

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ**HISTORY STUDIES**

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-1-14-36

УДК 94

**ПРЕДИКТОРЫ РАБОЧЕГО ПРОТЕСТА
В СССР В КОНЦЕ 1920-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ
1930-Х ГГ.: СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
И САМОЭФФЕКТИВНОСТЬ (НА МАТЕРИАЛАХ
НИЖНЕВОЛЖСКОГО РЕГИОНА)***А.О. Тюрин*

Обоснование. В статье рассматривается протестное поведение советских рабочих Нижневолжского региона в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. посредством анализа предикторов коллективных действий: социальной идентичности и самоэффективности, которые и являются предметом исследования.

Цель. Цель исследования состоит в изучении потенциала рабочего протеста в условиях социального кризиса в Нижневолжском регионе в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. Научная новизна заключается в отсутствии в региональной историографии подобных исторических исследований по данной проблеме, а также во введении в научный оборот ряда архивных документов.

Материалы и методы. В статье при изучении предикторов коллективных действий применяются историко-типологический, историко-сравнительный и историко-генетический методы исследования, а проанализировать формирование и оценить потенциал рабочего протеста в целом позволил междисциплинарный подход. Источниковым материалом выступают информационные сводки и обзоры ОГПУ, в которых сконцентрированы данные о протестном поведении населения, а теоретической базой исследования выступили научные труды отечественных авторов занимающихся этой проблемой.

Результаты работы. В конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. в СССР разразился социальный кризис, что привело к увеличению количества протестных выступлений, в первую очередь забастовок. Однако анализ предикторов коллективных действий продемонстрировал их низкую эффективность и слабый потенциал рабочего протеста в целом.

Область применения результатов. Материалы, полученные в процессе исследования и представленные в статье, могут использоваться историками, изучающими протестное поведение, в том числе пролетариата, а также применяться в современном образовательном процессе.

Ключевые слова: протестное поведение; предикторы коллективных протестных действий; рабочий протест; рабочий класс; социальная идентичность; самоэффективность; СССР

**PREDICTORS OF WORKERS' PROTEST
IN THE USSR AT THE END OF THE 1920S –
THE BEGINNING OF THE 1930S: SOCIAL IDENTITY
AND SELF-EFFICIENCY (BY THE MATERIALS
OF THE LOWER VOLGA REGION)**

A.O. Tyurin

Justification. The article deals with the protest behavior of Soviet workers of the Lower Volga region in the late 1920s – the first half of the 1930s by analyzing predictors of collective actions: social identity and self-efficacy, which are the subject of the study.

Objective. The objective of the study is to explore the potential of labor protest in the conditions of social crisis in the Lower Volga region in the late 1920s - first half of the 1930s. The scientific novelty lies in the absence of similar historical studies on this problem in regional historiography, as well as in the introduction into scientific circulation of a number of archival documents.

Materials and methods. In the article, when studying predictors of collective actions, historical-typological, historical-comparative and his-

torical-genetic research methods are used. An interdisciplinary approach allowed the author to analyze the formation and to assess the potential of labor protest in general. The source material is the information reports and reviews of the OGPU, which concentrate data on the protest behavior of the population, and the theoretical basis of the study was the scientific works of domestic authors dealing with this problem.

Results. *In the late 1920s - the first half of the 1930s, a social crisis broke out in the USSR, which led to an increased number of protest actions, mainly strikes. However, the analysis of predictors of collective actions demonstrated their low efficiency and weak potential of labor protest in general.*

Practical implications. *The materials obtained in the course of the research and presented in the article can be used by historians studying protest behavior, including that of the proletariat. They can also be applied in the modern educational process.*

Keywords: *protest behaviour; predictors of protest activity; workers' protest; working class; social identity» self-efficacy; USSR*

Введение

Протестное поведение населения изучалось многими науками гуманитарной сферы и на современном этапе остается актуальным для исследования. Во время кардинальных социально-экономических и политических изменений уровень жизни населения резко падает, а показатели протестного поведения значительно увеличиваются. Период конца 1920-х – первой половины 1930-х гг. в СССР полностью соответствует этому утверждению, так как проводимой политике форсированной индустриализации сопутствовал социальный кризис, поставивший на грань выживания советское население, в том числе и «гегемона социалистической революции» – пролетариат, что, в свою очередь, способствовало повышению уровня протеста. Однако до массовых протестных выступлений представителей рабочего класса – «всероссийских стачек» революционных времен, которые своим масштабом заставили существующую власть целиком пересмотреть или ввести существенные коррективы в проводимую политику, дело

не дошло, и государство продолжало проводить намеченный социально-экономический курс. Эту неоднозначную ситуацию мы постараемся рассмотреть посредством анализа предикторов коллективных протестных действий, которые в свою очередь помогут исследовать рабочий протест изнутри. Исследователи рассматривают три основных предиктора коллективных действий: воспринимаемая несправедливость и связанные с ней эмоции, социальная идентичность и самоэффективность [2, с. 132].

Предлагаемая статья является продолжением изучения предикторов коллективных протестных действий (протестного поведения), а именно социальной идентичности и самоэффективности. В предыдущей статье [25] были проанализированы причины протестного поведения и обозначенный в названии статьи предиктор. Результат анализа этого предиктора показал высокую степень готовности рабочих к коллективным протестным действиям.

Цель исследования состоит в изучении потенциала рабочего протеста в условиях социального кризиса в Нижневолжском регионе в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. Для реализации цели исследования потребуются решить следующие задачи:

- проанализировать предикторы коллективных действий: социальную идентичность и самоэффективность;
- определить влияние предикторов на выбор нормативных и ненормативных действий.

Материалы и методы

В статье при изучении предикторов коллективных действий применяются историко-типологический, историко-сравнительный и историко-генетический методы исследования, а проанализировать формирование и оценить потенциал рабочего протеста в целом позволил междисциплинарный подход.

Теоретическая база исследования представлена научными трудами отечественных авторов, изучавшими различные аспекты проблемы рабочего протеста, а именно С.В. Богданова [12], Л.В. Борисовой [13], И.Н. Камардина [21], С.А. Красильникова [22], И.В. Шильниковой [30], Д.О. Чуракова [28], С.В. Ярова [31]. При анализе предик-

торов самоидентификации и самоэффективности использовались исследования А.И. Вдовина и В.З. Дробижева [15], В.А. Чолохяна [27] и Н.А. Шарошкина [29]. Основными источниками стали материалы информационных обзоров и сводок региональных органов ОГПУ, так как в изучаемый хронологический период сведения по протестным настроениям и поведению населения концентрировались именно в этих документах.

Результаты и обсуждение

В своем обзорно-аналитическом исследовании Е.Р. Агадулина и А.В. Ловаков отмечают, что социальная идентификация с группой рассматривается в большинстве психологических работ как основной предиктор готовности присоединиться к протестному движению [2, с. 134]. При анализе предиктора воспринимаемой несправедливости и связанных с этим эмоций мы увидели, что многие городские жители Нижневолжского региона в своих высказываниях открыто причисляли себя к рабочему классу. Кроме этого они часто возлагали вину за сложившийся социальный кризис на руководство разных уровней, членов коммунистической партии, а также представителей других социальных и профессиональных групп («спецы», «торговцы» и т.п.).

В мае 1929 г. в Астрахани произошел трудовой конфликт между работницами городских рыбных промыслов и окружным отделом труда. Работницы (около 100 человек) для разрешения спорной ситуации первоначально пришли в профсоюзный комитет пищевиков. Возглавлявшая шествие Бахтина предъявила определенные требования профсоюзу и достаточно эмоционально высказалась: «Мы пришли громить весь союз и всех коммунистов. Зачем вы разделили один район на два? Что мы должны теперь делать, куда идти работать? Вот до чего вы нас довели «наши защитники»... Перевесить надо всех коммунистов. Разве так гласит коммунизм, что бы вы были сыты, а рабочие гибли с голоду... Кругом рвачество, взятки и проституция. Довольно терпеть – быть бунту!» Работницы с одобрением восприняли выступление Бахтиной. Из толпы раздавались крики: «Они сыты, а о нас рабочих не думают!» [18, л. 54]. В своем монологе Бахтина (как и остальные работницы) четко идентифици-

рует свою социальную принадлежность – рабочие. Группы же, к которой предъявлялись претензии (по словам Бахтиной «наши защитники») в сознании были перемешены. Виноваты все – профсоюз и коммунисты, подразумеваются и местные власти. Все они, судя по выступлению – рвачи, коррупционеры, и «о рабочих не думают!».

6 июня 1929 года в Астрахани при проверке патентов и разрешений на торговлю на рынке Татар-базар, произошли столкновения финансовых агентов и милиционеров с торговцами и частью покупателей, а впоследствии и с родственниками продавцов, то есть социальный состав горожан на базаре был очень пестрым. В итоге возмущенная толпа в количестве около 1000 человек стала кидать камни и избивать сотрудников милиции и финантеров. Из толпы были слышны следующие призывы: «Довольно пить кровь из рабочих, пора расправится с ними!», «Бей милицию – шкурников!», «Бей финотдельцев – взяточников!.. теперь они пришли нас грабить» [17, л. 13]. И в этом случае мы видим, что многие участники конфликта самоидентифицировали себя с пролетариатом, а проверяющих представителей власти с «взяточниками и коррупционерами».

В многочисленных очередях за продовольствием и промтоварами, в столовых и на собраниях при сравнительных и оценочных суждениях, высказываниях и заявлениях многие граждане подчеркивали свой рабочий статус. Однако, как мы видим из вышеприведенных примеров, не все те, кто идентифицировал себя как рабочий класс, попадали под данную социальную категорию. В 1929 г. в рамках дела «Астраханщины» Л.М. Каганович привел следующую характеристику социальной ситуации в регионе: «Вот говорили, что в Москве частник был силен, но мы здесь в Москве имеем мощный пролетариат, так что это никак несравнимо с Астраханью. Индустриального пролетариата там мало, промышленность носит кустарный характер, большое количество нэпманских и мещанских элементов...» [16, л. 31]. В Сталинграде и Саратове ситуация с количественными и качественными характеристиками пролетариата была несколько лучше. Однако в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. в СССР шла массовая миграция населения из сельской местности в город, на стройки первых пятилеток. Этот процесс зна-

чительно увеличил численность рабочего класса, но осуществлялся рост во многом за счет выходцев из деревни.

По оценке А.И. Вдовина и В.З. Дробижева, за весь период реконструкции народного хозяйства крестьяне дали 59,5% [15, с. 116] всех кадров рабочих и служащих. Это подтверждается профсоюзной переписью 1932-1933 гг., по данным которой пополнение рабочего класса за счет крестьян произошло на 45,1% [23, с. 116-117]. В Нижневолжском регионе в профсоюзе мукомольной промышленности процент выходцев из деревни в 1932 г. составил 65,3% [23, с. 94]. В Астрахани в 1930 г. на Муфлонном заводе из 400 человек рабочих две трети являлись выходцами из деревни [7, л. 262]. На Сталинградском тракторном заводе вчерашних жителей села было 80% [14, с. 367].

Стоит отметить массовое вовлечение в производство женщин, до этого в нем не участвовавших. В промышленности Сталинграда доля женщин выросла с 12% в 1926 г. до 38,2% в 1939 г., Саратова – соответственно с 15% до 43%, Астрахани – с 19% до 56,9% [15]. Пополнялся рабочий класс и за счет молодых людей, в том числе и сельских, которые делали первые профессиональные шаги в своей жизнедеятельности. По отдельным крупнейшим предприятиям Нижневолжского края процент молодежи до 23-летнего возраста составлял: СТЗ – 42,5%, «Красный Октябрь» (Сталинград) – 40%, вольские цементные заводы – 53%, консервный комбинат (Астрахань) – 43,4%, судоремонтный завод им. Сталина (Астрахань) – 36,6% [24, с. 97].

Изменению качественного состава пролетариата способствовал процесс выдвижения, посредством которого пытались сформировать социальную группу советский управленцев и служащих, включая интеллигенцию, по большей части техническую. К 1933 г. в промышленности Нижневолжского региона насчитывалось 594 руководителя предприятий вместе с заместителями и помощниками. В их составе было 268 рабочих-выдвиженцев, что составляло 45% [30, с. 95].

Все эти процессы позволили сделать Ш. Фицпатрик вывод о том, что «период нэпа дал возможность вновь образоваться рабочему классу, стали укрепляться другие социальные структуры. Однако затем наступил перелом – первая пятилетка и коллективизация, – который вновь лишил почвы миллионы людей, «ликвидировал» целые классы,

вызвал огромный приток крестьян в ряды городской рабочей силы и значительное продвижение вверх представителей старого пролетариата. По сути, общество оказалось деклассированно...» [26, с. 19].

Как мы видим, многие граждане заявляли о пролетарской идентичности, но по факту рабочими, как полноценными представителями этой социальной группы, с присущими только ей социальным положением, интересами, ценностными ориентациями и т.п., они еще не являлись. Это отчасти могут подтвердить их коллективные действия, которые также рассматриваются как один из способов обоснования этой самой социальной идентичности [1, с. 47]. Среди таких коллективных действий – участие в митинге или пожертвование денег на движение, помощь и поддержка коллег, то есть проявление солидарности с ними в трудную минуту. В ноябре 1929 г. на заводе «Красный октябрь» (Сталинград) строители-сезонники в ходе собрания заявили: «Нас это не устраивает, мы ничего в пользу польских рабочих не постановили, это постановили коммунисты, пусть они и платят». Далее отмечалось, что подобные настроения и отношения к лодзинским событиям имели место в Сталинградском и Астраханском округах, среди низкоквалифицированных рабочих и сезонников [4, л. 6].

В данном сообщении обращается внимание, что «подобные настроения» наблюдались среди низкоквалифицированных рабочих и сезонников. Еще в августе 1928 г. в обзоре «О политико-экономическом состоянии Нижне-Волжского края» отмечалось, что среди сезонных рабочих Астрахани сильное развитие получили «крестьянские настроения», которые выражались в нареканиях на политику советской власти, выкачивающей весь хлеб из деревни, поэтому обрекшей крестьян на голод, и вместе с тем, не сумевшей наладить снабжение городов [3, л. 16]. В спецсводке №2 Астраханского оперсектора ОГПУ от 1 августа 1931 г. приводилась конкретная характеристика сезонников: «Сезонные рабочие, находящиеся в Астрахани, большей своей частью являются приезжими из северных районов бывшего Астраханского округа. Все они, прямо или косвенно, связаны с сельским хозяйством..., в силу чего у них часто являются собственнические тенденции, среди коих скрывается бе-

глое кулачество и другие антисоветские элементы, каковые используют недостатки хозяйственных организаций, денежное, хлебное затруднение, и даже были случаи сплошной забастовки» [9, л. 11].

В 1928 г. на заводе «Баррикады» (Сталинград) забастовала артель каменщиков в количестве 10 человек. Забастовка выразилась в отказе производить работу по постройке механического цеха из-за холодной погоды [4, л. 3об]. 21 мая 1931 г. группа грузчиков Госпароходства (16 человек), работавшая на пристани № 17 (Астрахань) по погрузке муки на баржу, в 12 часов бросила работу. На следующий день они вышли на работу и мотивировали свой вчерашний уход: «Денег нет, пожрать купить не на что, зарплату не дают». Состав группы грузчиков – крестьяне-бедняки [9, л. 1-2]. При производстве работ на промысле им. Володарского (Астрахань) группа рабочих (35 человек), отказалась от дальнейшей работы по сооружению «выхода» этого промысла. Старший группы Крюков (руководитель забастовки) в разговоре с рабочими призвал к тому, чтобы просить увеличение платы за производимую работу. Артель рабочих с этим согласилась и не выходила на работу 4 дня [8, л. 10]. 21 сентября 1932 г. на заводе им. Сталина забастовала артель плотников (Астрахань). Инициаторами не выхода на работу являлись И. Солдатов, 46 лет, из крестьян-колхозников Калояр-Черкасского района Нижне-Волжского края, а также А. Саранцев, В. Коротин и И. Фомичев – все односельчане И. Солдатова [10, л. 444].

В своем исследовании И.В. Шильникова указывает, что подавляющее число забастовок давали как раз сезонные рабочие: 55% в 1928 г. и 70% в 1929 г. [30, с. 82]. Объясняет она доминирование сезонных рабочих тем обстоятельством, что количественно эта группа была очень многочисленной в связи с развернувшимся масштабным строительством, а также созданием новых объектов инфраструктуры. Чаще всего сезонники являлись выходцами из деревень, завербованными для работ [30, с. 83]. В общем, можно констатировать, что артели и группы сезонников, в основном состоящие из вчерашних крестьян, формировали значительную часть «новых рабочих».

Представление о своей эффективности связано с оценкой способности достижения желаемой цели, в частности в социальной и

политической сфере. При этом сочетание высокой политической самоэффективности и высокого уровня доверия к политическим институтам и власти в целом приводит к нормативным формам участия в политической жизни (участие в выборах, референдумах и т.п.), в то время как высокая политическая самоэффективность и низкий уровень доверия к власти связан с участием в силовых и ненормативных действиях (забастовки и т.п.), направленных на социальные изменения [2, с. 133].

Рассмотрим первоначально уровень доверия рабочих, как к местным управляющим структурам, так и к власти в целом. Участие населения в избирательных кампаниях являлось определенным индикатором политической активности и поддержки власти. Пристальное внимание в ходе этих процессов обращалось на рабочих.

В обзоре «О политико-экономическом состоянии Нижне-Волжского края» за декабрь 1928 г. отмечалась недостаточная активность рабочих и пессимистическое отношение их к перевыборной кампании. В мартеновском цеху завода «Красный Октябрь» (Сталинград) после работ состоялось собрание, на котором из 200 человек присутствовало всего 46. Вопросов по докладу задано не было, а в прениях выступило всего двое рабочих, которые отметили неработоспособность и пьянство депутатов горсовета. Собрание прошло вяло, а объяснялось это тем, что администрация завода никогда не проводила решения рабочих в жизнь: «Посещать собрания нам не интересно, все равно наши постановления администрация не выполняет», – таково мнение большинства рабочих этого цеха. На этом же заводе в цехе паровых котлов из 200 человек на собрании присутствовало 60. Ни одного вопроса и ни одного выступления не было со стороны рабочих. На сталинградском лесозаводе №2 «Электролес» большинство рабочих считало, что перевыборы советов «есть повинность казенного порядка, от которой рабочим никакой выгоды нет». Рабочий шиферного цеха завода «Большевик» заявил о бесполезности посещения перевыборных собраний, так как «нас все равно не выберут, ибо у партии намечены уже заранее свои кандидаты». Аналогичные настроения отмечались на сталинград-

ском заводе ВКЛ и заводе им. К. Маркса в Астрахани [5, л. 11 об-12].

В обзоре «Политическое состояние Астраханского округа» за январь-март 1929 г. о ходе перевыборной кампании в горсовет Астрахани и районные советы отмечалось определенное недоверие к депутатам со стороны рабочих. Рабочий-грузчик Сдобнов в ходе собрания заявил: «Довольно добавлять к наказу, так как горсовет все равно ничего не выполнит, поэтому многие и не пришли на собрание» [6, л. 43-44]. В большинстве случаев в состав членов горсовета и райсоветов избирались кандидаты, рекомендованные коммунистическими фракциями. Однако на некоторых собраниях имели место случаи выступления против рекомендательных списков и отдельных кандидатур коммунистов. Подобная ситуация произошла в Астрахани на собрании среди членов профсоюза строителей. 8 февраля рабочий Стасов высказался: «На что нам ваш список, выбранных заранее кандидатов? Мы здесь сами выберем из присутствующих, кого захотим!». Поднялся сильный шум и многие рабочие выкрикивали с места: «Не нужен ваш список, мы выберем своих». Выступающие с места рабочие обвиняли коммунистов в неумелом хозяйствовании, считая их виновниками продовольственных затруднений. Многие рабочие говорили о необходимости отводов кандидатур в горсовет и следующим образом охарактеризовали подготовительную работу по выдвижению кандидатов: «Собралась вчера эта шайка коммунистов, и выбрали в горсовет, а нам только поднимай руки. Мы не хотим, чтобы они были и надо голосовать за Милехина и Картошкина (оба рабочие-строители)» [6, л. 46].

Можно констатировать достаточно низкий уровень доверия со стороны рабочих по отношению к разным руководящим органам и власти в целом, которое можно подтвердить следующими высказываниями: «Мы утверждали, вносили предложения, только в центре все это к черту вычеркнул» (завод «Баррикады», Сталинград); «За каким чертом мы пойдем на собрание, время зря проводить, если наши постановления в жизнь не проводятся», «Хоть иди или не иди, все равно будет так, как они постановят» («Красный Октябрь», Сталинград); «Где же нам искать защиты, если сам союз тормозит», «Сколько мы не говорим, толку

не будет» (хлебзавод ЦРК, Астрахань)» [5, л. 4-4об]. Эти высказывания также косвенно характеризуют низкий уровень самоэффективности – все предложения рабочих не претворялись в жизнь.

Одной из нормативных форм влияния на руководящие структуры разных уровней, которую инициировала центральная власть, являлась самокритика. Однако и к этой форме у многих рабочих сформировалось недоверие. В обзоре «О политико-экономическом состоянии Нижне-Волжского края» за август 1928 г. отмечалось, что основным отрицательным моментом отношения рабочих к самокритике являлось неверие в безнаказанность тех, «кто будет критиковать», и опасения эти получали подтверждение. На петровском кирпичном заводе за сообщение инспектору труда поденным рабочим об отсутствии спецодежды, последнего администрация завода уволила. Особо пессимистические настроения наблюдались у рабочих на астраханских промыслах Гострыбтреста (ГТР): «Нас все равно не слушают», «Говорят нам, чтобы мы давали свое мнение, а потом плюют на наши заявления», «Рабочие два года говорят, что на промыслах бюрократы, пьяницы, растратчики и взяточники, а что сделано – ничего. ... А скажи наш брат что-нибудь, так сами же коммунисты тебе заткнут рот, и не пикнешь» [3, л. 32]. В обзоре «О политико-экономическом состоянии Нижне-Волжского края» за ноябрь 1928 г. приводился конкретный пример. Рабочий-металлист саратовского трампарка рассказал следующий случай: «Станем говорить что-нибудь, так тебя на заметку, а затем за ворота. Вот пример с контролером Сазоновым. Высказался на собрании не под диктовку, а как говорят рабочие, и его выбросили из предприятия». А среди рабочих завода «Красный Октябрь» (Сталинград) укоренилось мнение: «Мы рабочие слишком запуганы, чтобы критиковать свое начальство» [4, л. 5].

Если же рабочие осмеливались открыто критиковать политику центральной власти, то их ожидали репрессии со стороны правоохранительных органов. 30 октября 1930 г. на общем собрании рабочих Госхолодильника (Астрахань) при обсуждении финансовых трудностей рабочие Доброквашин и Рогов выступили с резкой критикой партии и правительства. Доброквашин заявил: «Я не согласен

с политикой партии, рабочих обманывают, а трудовая дисциплина низкая, потому что рабочие не видят перед собой перспективы». Рогов поддержал Доброквашина: «Проводимая сейчас политика партии неверна. В 1925 г. мы жили хорошо, но благодаря козням Сталина в партии получился раскол, выжили Троцкого и теперь с каждым днем все хуже». В заключение Рогов сказал: «Требуем немедленно выплатить зарплату или же мы все бросим работу». Характерно, что большая часть рабочих, присутствующих на собрании, сочувствовала Рогову и Доброквашину. Предложение об осуждении подобных выступлений и о снятии их с производства было провалено, так как большинство рабочих проголосовало против этого. Однако чуть позже Рогова и Доброквашина арестовали [7, л. 357].

Негативные последствия, которые наступали вслед за открытой критикой в адрес руководящих структур и власти, также способствовали развитию недоверия к политическим институтам и нормативным формам участия, и заставляли рабочих принимать пассивную или отчужденную позицию при нормативных формах коллективных действий. Это хорошо иллюстрирует следующий пример. В октябре 1930 г. на общем собрании рабочих Болдинских промыслов (Астрахань) при обсуждении промфинплана никто из присутствующих не высказался после основного доклада. На вопрос председателя: «Почему молчите?», Ефимова (член ВКП(б)) ответила: «Я не знаю что говорить, выскажешь свое мнение, да еще попадешь в оппортунисты. На днях одной приварили за то, что высказала свои мысли» [7, л. 264].

В общем, низкий уровень доверия к политическим институтам, к власти и ее представителям, а также неэффективность нормативных форм коллективных действий подталкивали рабочих к осуществлению ненормативного протестного поведения. К тому же Е.Р. Агадулина отмечает, что если первичные действия группы не имели успеха, представления о групповой эффективности начинают снижаться, что приводит к дальнейшему предпочтению ненормативных форм коллективных действий [1, с. 47].

По мнению И.В. Шильниковой, в годы реализации первого пятилетнего плана забастовочное движение было не только не менее, но

даже более активным, чем в период дореволюционной российской индустриализации [30, с. 87]. В 1928 г. органы ОГПУ зарегистрировали 940 забастовок, в 1929 г. – 820, а за первые пять месяцев 1930 г. – 206 забастовок [30, с. 82].

Ненормативные формы протеста рабочих на рубеже 1920-х – 1930-х гг. отмечались и в Нижневолжском регионе. 1 октября 1930 г. на промысле артели «Оборот» (Астрахань) группа рабочих в количестве 8 человек по причине не выплаты зарплаты бросила работу по выгрузке рыбы. 21 октября 1930 г. на лесозаводе №6 (Астрахань) в связи с невыплатой зарплаты на работу не явилось 12 человек [7, л. 356]. 29 октября 1930 г. после обеда группа каменщиков бондарного завода ГРТ (Астрахань) в количестве 53 человек бросила работу, мотивируя отказ невыдачей зарплаты. Горбунова – работница Консервного завода (Астрахань), в связи с несвоевременной выдачей зарплаты вела агитацию среди работниц: «Раз денег не дают, нечего на работу выходить». 30 октября 1930 г. из-за несвоевременной выплаты зарплаты не вышли на работу 10 человек этого предприятия, в том числе и Горбунова [7, л. 340].

Иногда протестующие добивались своих требований. 11 ноября 1930 г. артель плотников Трусовского промысла ГРТ (108 чел.) выбрала делегатов Павлова и Кривдина и послала их с наказом: «Требуйте зарплату, и скажите, что если не выдадут, то работу прекратим». Трест удовлетворил требование и выплатил аванс в сумме 3 200 рублей [7, л. 403]. В спецсводке №24 Астраханского оперсектора ОГПУ отмечалось, что артель плотников завода им. Сталина (38 человек) подали 15 сентября 1932 г. заявление в фабзавком, из которого следовало, что артель не выйдет на работу, если не выдадут задолженность по зарплате. 21 сентября 36 человек из этой артели не приступили к работе. Только после того, как плотникам выдали по 10 рублей и талоны на питание в кредит, артель приступила к работе» [10, л. 443].

Однако далеко не всегда протестные действия оканчивались выполнением требований рабочих. Можно согласиться с И.В. Шильниковой, что забастовки были достаточно краткосрочны по времени – в основном один день, к тому же хозяйственные и партийные

организации быстро включались в конфликт, стремясь снизить градус напряжения разъяснениями и убеждениями, что часто давало положительный эффект и позволяло возобновить работу, не дожидаясь удовлетворения требований [30, с. 86].

В последнем примере артель плотников завода им. Сталина получила по 10 рублей и талоны на питание, хотя требовали выплату всей задолженности по зарплате, проявив настойчивость в неоднократных беседах с директором завода, секретарем заводской ячейки ВКП(б) и начальником цеха, которые обещали им погасить долги в обеденный перерыв. Плотники возмущались: «Жрать нечего, семья голодает, больше существовать не на что, а нас кормят обещаниями и считают забастовщиками» [19, л. 321], «Когда же нас перестанут обманывать и выдадут деньги?», «Мы говорим одно, а думаем совсем другое, ведь должны же понять, что на голодном рабочем далеко не уедешь» [19, л. 322]. Реплики плотников подтверждают низкий уровень доверия со стороны рабочих по отношению к представителям руководящих структур, которые часто их обманывали, не выполняя данных обещаний, даже в ходе протеста при разрешении конфликтных ситуаций.

Стоит отметить, что практически все протестные выступления фиксировались в сводках ОГПУ и по некоторым участникам коллективных протестных действий в дальнейшем принимались решения об их наказании. Например, рассматриваемую нами забастовку артели плотников завода им. Сталина, следствие ОГПУ определило как антисоветское выступление, а ее организаторов привлекли к уголовной ответственности. Аналогичную антисоветскую характеристику получил, рассмотренный нами выше, конфликт работниц болдинских промыслов в Астрахани. Ряд высказываний рабочих также подтверждает проведение репрессии в отношении участников протеста. В октябре 1930 г. в ходе собрания на Муфлонном заводе (Астрахань) рабочие узнали о возможном понижении зарплаты и заявили, что работать в таких условиях не собираются и уйдут с завода. Выступающий рабочий Турасов, который на предложение директора завода высказаться рабочим, а не выкрикивать с места, сказал, что говорить бояться, «так как всех застращали – скажешь, а потом тебя за это и

потянут» [7, л. 262]. В марте 1933 г. на заводе им. III Интернационала (Астрахань) в ходе собрания токарь Пиньков высказался: «Вы товарищи как в рот воды набрали. Хотя я думаю, и все так думают, что сейчас скажи, а завтра придут и заберут» [20, л. 81].

В общем, можно констатировать, что эффективность коллективных протестных действий была относительно низкой. Рабочие редко добивались полного удовлетворения своих требований, к тому же активные участники протеста подвергались репрессиям, а сами протестные выступления часто характеризовались как антисоветские. Стоит отметить, что представители других социальных и профессиональных групп советского общества в своих оценочных суждениях отмечали общую пассивность коллективных действий рабочих. Инженер технического бюро завода им. Ленина (Астрахань) недоумевал: «Вот карточки хлебные отбирают, как жить будем? Как рабочие на это посмотрят? Когда их дома начнут тормозить семьи, пожалуй, тогда они не вытерпят и чего-нибудь скажут» [20, л. 53]. Уборщица этого же предприятия недоумевала: «Не понимаю, почему рабочие молчат, когда у них отнимают последний кусок хлеба. Теперь членам семьи убавили паек, а с 15-го вовсе не дадут» [20, л. 53]. Продавец промтоварного магазина возмущался: «Вот дожили, хлеба в столовой нет, и по карточкам убавили. Дураки рабочие, если будут молчать... бунт надо делать» [11, л. 5]. В итоге рабочих не смогли растормозить дома, они не подняли бунт и в подавляющем большинстве смолчали. Одну из причин низкой эффективности активного протеста назвал котельщик завода им. III Интернационала (Астрахань): «Нужно послать своих жен к власти просить хлеба, а то у нас нет организованности» [20, л. 29]. К отсутствию должной сплоченности и организованности пролетариата следует еще добавить страх наказания за участие в протесте и определенную слабость в отстаивании своих требований и достижения цели в ходе самого протестного выступления. При этом все три причины взаимосвязаны, а их итогом явилась низкая эффективность активных ненормативных форм коллективных действий рабочих.

Сложившаяся экономическая конъюнктура – большое количество строек и введенные в строй новые предприятия, требующие

массовую рабочую силу – способствовала появлению неактивной формы коллективных протестных действий, которая была связана с горизонтальной социальной мобильностью. В июле 1930 г. на заводе им. К. Маркса (Астрахань), вследствие низких расценок около двадцати человек строителей-каменщиков бросили работу и ушли с предприятия. В судоремонтных мастерских «Золотого затона» десять человек строительных рабочих также ушли с производства [7, л. 24]. 15 октября 1930 г. в ходе собрания на Муфлонном заводе (Астрахань) рабочие узнали о возможном понижении зарплаты, а 16 октября 30 рабочих, преимущественно из крестьян, подали заявление об увольнении и ушли с завода [7, л. 262]. В 1933 г. рабочий завода им. III Интернационала (Астрахань) высказался в кругу коллег: «Нужно бежать с завода, так как наш труд на заводе не ценят, работаем за копейки. Если не будут давать расчет добровольно, то нужно прогулять один день и тебя уволят за прогул» [20, л. 115]. Многие рабочие в поисках лучших бытовых условий, более качественного снабжения и большей зарплаты переезжали со стройки на стройку и с предприятия на предприятие. Несмотря на введение института прописки и ужесточение трудового законодательства «борьба с летунами» велась на протяжении всех 1930-х гг.

Заключение

Воспринимаемая несправедливость, социальная идентичность и эффективность группы являются взаимосвязанными предикторами [1, с. 47]. Анализ предикторов протестного поведения показал, что рабочие часто отдавали предпочтение решению проблем, ненормативным формам протеста (забастовкам и т.п.), что подтверждается статистическими сведениями и многочисленными примерами из сводок ОГПУ.

С одной стороны, анализ предиктора воспринимаемой несправедливости, чему была посвящена первая статья [25], показал высокую готовность рабочих к коллективным протестным действиям. Несмотря на то, что на протяжении конца 1920-х – 1930-е гг. шел процесс формирования нового социального состава рабочих, все же многие

«новые рабочие» самоидентифицировали свой социальный статус как рабочих, т.е. эти люди в группе в большинстве ситуаций рассматривали себя именно как членов этой группы. Участники, которые сильно идентифицируются с социальной группой или движением, чаще выбирают ненормативные формы протеста, а с невысокой идентификацией останавливаются на мягких и нормативных формах [2, с. 135]. О частом выборе рабочих в пользу ненормативных форм протеста говорит и предиктор самоэффективности. При его анализе зафиксирован низкий уровень доверия рабочих к политическим институтам, представителям руководящих структур и власти в целом.

С другой стороны, формирующаяся социальная группа рабочих была еще неустойчивой, а социальная идентичность влияет на коллективные действия, если она является устойчивой [1, с. 42]. Состоящие во многом из только что оторвавшихся от «земли» и бежавших от коллективизации и раскулачивания крестьян, «новые рабочие» не обладали устойчивой социальной идентичностью, с которой часто связаны сила единства и организованность. Поэтому участников протеста характеризовало отсутствие стойкости и упорства в достижении поставленной цели, а отсюда – кратковременность забастовок.

Все это вместе сказывалось на низкой эффективности ненормативных коллективных протестных действий. Если же протестное поведение не будет восприниматься как эффективный способ решения проблем, даже сильная идентификация с группой не приведет к протесту, в этом случае группа вероятнее всего будет выбирать неконфронтационные способы для решения сложившихся проблем [2, с. 135]. К этому стоит добавить высокие издержки, в виде репрессий активных участников протеста, которые перевешивали ожидаемые выгоды, что также сказывалось на желании многих рабочих принимать участие в коллективных протестных действиях.

Подводя итог вышеизложенному, можно констатировать, что, несмотря на большое количество зафиксированных ненормативных форм активного протестного поведения, в первую очередь забасто-

вок, анализ предикторов коллективных действий показал слабый потенциал рабочего протеста в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. Многие рабочие все больше занимали пассивную или отчужденную позицию, а для разрешения своих социальных проблем все чаще выбирали не активный протест, а неконфронтационную горизонтальную мобильность.

Список литературы

1. Агадулина Е.Р., Коллективные действия: предикторы и модели // Социальная психология и общество. 2013. Том 4. №3. С. 42-50.
2. Агадулина Е.Р., Ловаков А.В. Протестное поведение: индивидуальные и групповые факторы // Современная зарубежная психология. 2013. Том 2. №4. С. 131-138.
3. Архив Информационного центра Управления МВД России по Астраханской области (АИЦ УМВД АО). Ф. 32. Оп. 1. Д. 60.
4. АИЦ УМВД АО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 62.
5. АИЦ УМВД АО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 63.
6. АИЦ УМВД АО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 74.
7. АИЦ УМВД АО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 110.
8. АИЦ УМВД АО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 112.
9. АИЦ УМВД АО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 132.
10. АИЦ УМВД АО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 151.
11. АИЦ УМВД АО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 177.
12. Богданов С.В. Коллективные трудовые конфликты в СССР в 1930-1950-х гг.: причины возникновения, формы протекания, способы разрешения // Историко-экономические исследования. 2008. Т. 9. №1. С. 58-82.
13. Борисова Л.В. Трудовые конфликты в Советской России (1918 – 1924 гг.) / Л.В. Борисова. М.: Собрание, 2006. 288 с.
14. Боффа Дж. История Советского Союза. Т.1. М.; Междунар. отношения, 1990. 628 с.
15. Вдовин А. И. Рост рабочего класса СССР. 1917-1940 гг. / А.И. Вдовин, В.З. Дробижев. М.: Мысль, 1976. 264 с.
16. Государственный архив Астраханской области (ГААО). П. 6. Оп. 1. Д. 57.

17. ГААО. П. 6. Оп. 1. Д. 59.
18. ГААО. П. 6. Оп. 1. Д. 67
19. ГААО. П. 20. Оп. 1. Д. 25.
20. ГААО. П. 20. Оп. 1. Д. 29.
21. Камардин И.Н. Рабочий протест в Поволжье в 1919-1920 гг. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. №22 (165). Выпуск 28. С. 134-140.
22. Красильников С.А. От забастовок к «волынкам»: рабочие протесты в советской стране 1920-х годов // ЭКО. 2017. №1. С. 176-189.
23. Профсоюзная перепись 1932-1933 гг. М., 1934.
24. Статистический справочник. Нижняя Волга 1929-33 гг. М., 1934.
25. Тюрин А.О. Предикторы рабочего протеста в СССР в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг.: воспринимаемая несправедливость и связанные с ней эмоции (на материалах Нижневолжского региона) // Манускрипт. 2021. Том 14. Выпуск 10. С. 2047-2052.
26. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОСПЭН), 2001. 336 с.
27. Чолахян В.А. Социальные аспекты становления и развития мобилизационной экономики Нижнего Поволжья в 1920-1930-е гг. // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2016. № 1. С. 138-146. URL: https://magistravitaejournal.ru/images/j_pdf/097.pdf (дата обращения: 12.02. 2022).
28. Чураков Д.О. Бунтующий пролетарий: рабочий протест в Советской России (1917-1930-е гг.) / Д.О. Чураков. М.: Вече, 2007. 352 с.
29. Шарошкин Н.А. Изменения в численности и составе рабочих Поволжья в переходный период от капитализма к социализму (1917-1937 гг.) / Н.А. Шарошкин. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1984
30. Шильникова И.В. Забастовки в советской промышленности в годы первой пятилетки (по материалам информационных обзоров и сводок ОГПУ) // Экономическая история. 2016. №4. С. 80-89.
31. Яров С.В. Горожанин как политик. Революция и военный коммунизм. 1917-1921 гг. – СПб.: СПбГТУ, 1997. – 69 с.

References

1. Agadulina E.R., Kollektivnye dejstvija: prediktory i modeli [Collective actions: predictors and models]. *Social'naja psihologija i obshhestvo*, 2013, vol. 4, no. 3, pp. 42-50.
2. Agadulina E.R., Lovakov A.V. Protestnoe povedenie: individual'nye i gruppovye factory [Protest behavior: individual and group factors]. *Sovremennaja zarubezhnaja psihologija*, 2013, vol. 2, no. 4, pp. 131-138.
3. *Arhiv Informacionnogo centra Upravlenija MVD Rossii po Astrahanskoj oblasti* [Archive of the Information Center of the Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Astrakhan Region] (AIC UMVD AO). F. 32. Op. 1. D. 60.
4. AIC UMVD AO. F. 32. Op. 1. D. 62.
5. AIC UMVD AO. F. 32. Op. 1. D. 63.
6. AIC UMVD AO. F. 32. Op. 1. D. 74.
7. AIC UMVD AO. F. 32. Op. 1. D. 110.
8. AIC UMVD AO. F. 32. Op. 1. D. 112.
9. AIC UMVD AO. F. 32. Op. 1. D. 132.
10. AIC UMVD AO. F. 32. Op. 1. D. 151.
11. AIC UMVD AO. F. 32. Op. 1. D. 177.
12. Bogdanov S.V. *Kollektivnye trudovye konflikty v SSSR v 1930-1950-h gg.: prichiny vozniknovenija, formy protekanija, sposoby razreshenija* [Collective labor conflicts in the USSR in the 1930s-1950s: causes of occurrence, forms of course, methods of resolution]. *Istoriko-jekonomicheskie issledovanija*, 2008, vol. 9, no. 1, pp. 58-82.
13. Borisova L.V. *Trudovye konflikty v Sovetskoj Rossii (1918–1924 gg.)* [Labor conflicts in Soviet Russia (1918–1924)]. M.: Sobranie, 2006, 288 p.
14. Boffa Dzh. *Istorija Sovetskogo Sojuza* [History of the Soviet Union]. Vol. 1. M.: Mezhdunar. otnoshenija, 1990, 628 p.
15. Vdovin A.I., Drobizhev V.Z. *Rost rabocheho klassa SSSR. 1917-1940 gg.* [Growth of the working class of the USSR. 1917-1940]. M.: Mysl', 1976, 264 p.
16. *Gosudarstvennyj arhiv Astrahanskoj oblasti (GAAO)* [State Archive of the Astrakhan region]. P. 6. Op. 1. D. 57.

17. GAAO. P. 6. Op. 1. D. 59.
18. GAAO. P. 6. Op. 1. D. 67
19. GAAO. P. 20. Op. 1. D. 25.
20. GAAO. P. 20. Op. 1. D. 29.
21. Kamardin I.N. Rabochij protest v Povolzh'e v 1919-1920 gg. [Labor protest in the Volga region in 1919-1920]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Istorija. Politologija. Jekonomika. Informatika*, 2013, no. 22 (165), issue 28, pp. 134-140.
22. Krasil'nikov S.A. Ot zabastovok k «volynkam»: rabochie protesty v sovetskoj strane 1920-h godov [From strikes to “bagpipes”: workers' protests in the Soviet country of the 1920s]. *JeKO*, 2017, no. 1, pp. 176-189.
23. *Profsojuznaja perepis' 1932-1933 gg.* [Trade union census 1932-1933] M., 1934.
24. *Statisticheskij spravochnik. Nizhnjaja Volga 1929-33 gg.* [Statistical handbook. Lower Volga 1929-33]. M., 1934.
25. Tyurin A. O. *Prediktory rabocheho protesta v SSSR v konce 1920-h – pervoj polovine 1930-h gg.: vosprinimaemaja nespravedlivost' i svjazannye s nej jemocii (na materialah Nizhnevolzhskogo regiona)* [Predictors of Workers' Protest in the USSR at the End of the 1920s – the Beginning of the 1930s: Perceived Injustice and Related Emotions (by the Materials of the Lower Volga Region)]. 2021, volume 14, issue 10, pp. 2047-2052.
26. Ficpatrik Sh. *Povsednevnyj stalinizm. Social'naja istorija Sovetskoj Rossii v 30-e gody: gorod.* [Social history of Soviet Russia in the 30s: city]. M.: «Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija» (ROSPJeN), 2001, 336 p.
27. Cholahjan V.A. Social'nye aspekty stanovlenija i razvitija mobilizacionnoj jekonomiki Nizhnego Povolzh'ja v 1920-1930-e gg. [Social aspects of the formation and development of the mobilization economy of the Lower Volga region in the 1920s-1930s.]. *Magistra Vitae: jelektronnyj zhurnal po istoricheskim naukam i arheologii*, 2016, no. 1, pp. 138-146. https://magistravitaejournal.ru/images/j_pdf/097.pdf

28. Churakov D.O. *Buntujushhij proletarij: rabochij protest v Sovetskoj Rossii (1917-1930-e gg.)* [The rebellious proletarian: workers' protest in Soviet Russia (1917-1930s)]. M.: Veche, 2007, 352 p.
29. Sharoshkin N.A. *Izmenenija v chislennosti i sostave rabochih Povolzh'ja v perehodnyj period ot kapitalizma k socializmu (1917-1937 gg.)* [Changes in the number and composition of workers in the Volga region during the transition period from capitalism to socialism (1917-1937)]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1984.
30. Shil'nikova I.V. *Zabastovki v sovetskoj promyshlennosti v gody pervoj pjatiletki (po materialam informacionnyh obzorov i svodok OGPU)* [Strikes in the Soviet Industry during the First Five-Year Plan (Based on Information Reviews and Reports of the OGPU)]. *Jekonomicheskaja istorija*. 2016, no. 4, pp. 80-89.
31. Jarov S.V. *Gorozhanin kak politik. Revoljucija i voennyj kommunizm. 1917-1921 gg.* [City dweller as a politician. Revolution and war communism. 1917-1921]. SPb.: SPbGTU, 1997, 69 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Тюрин Алексей Олегович, доцент, к.и.н., заведующий кафедрой истории России
Астраханский государственный университет
ул. Татищева, 20А, г. Астрахань, 414056, Российская Федерация
tualol1977@yahoo.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Alexey O. Tyurin, associate Professor, Ph.D. in history, Head of the Department of Russian History
Astrakhan State University
20A, Tatishcheva St., Astrakhan, 414056, Russian Federation
tualol1977@yahoo.com
SPIN-code: 7022-2069
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1486-8658>

Поступила 15.02.2022

После рецензирования 21.02.2022

Принята 04.03.2022

Received 15.02.2022

Revised 21.02.2022

Accepted 04.03.2022